
Валерий СОСНОВСКИЙ

БЛУДНЫЙ СЫН

Я брил отца, а он глядел в окно.
Клубилось облако, и голуби летели,
Мелькала жизнь... «С вас нынче рубль двадцать!»
Пробилось солнышко, и детская улыбка
Сияла на бессмысленном лице.
Отец три года не вставал с постели.

Однажды он упал, и поначалу
Казалось — перелом, и мать в сердцах
Кричала: «Больше никогда
Не смей ходить!» Вот он и не вставал.
...Потом приехал реанимобиль,
Кардиограммы, капельницы, крики,
Его везли в какую-то больницу,
Но было ясно, что не довезут.

Отцу купили с позолотой гроб
И отпевали в Вознесенской церкви.
Друзья (оставшиеся) и родные —
Все атеисты — сгрудились нестройно,
Зажгли, смущаясь, свечи и молчали,
Держалась мать растерянно, но строго,
И панихиду сократили, так что
Не пели «Со святыми упокой».
И гроб поплыл по воздуху наспешно
Среди свечей, икон и атеистов,
Как будто ангелы несли его над нами
И погрузили в черный катафалк.

...Его отец, мой дед, из глухомани
Чуть не в лаптях пришел учиться в город,
На журналиста в университет,
А там — война, и там — политработа,
Ранения, контузия, награды.
Опять война, опять политработа,
В ноге — осколок навсегда, и нервы...
Отец отца увидел в восемь лет.

Валерий Игоревич Сосновский — поэт, психолог, журналист. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Урал», «Слово/Word», «Новый журнал». Автор одной поэтической книги. Лауреат премии Пушкинского общества Америки за сохранение классических традиций в русской поэзии. Стихи переводились на английский и французский языки. Родился и живет в Свердловске—Екатеринбурге.

Полусироты атомного века,
Их матери ворспитывали скупю,
Да голод и шпана по подворотням,
Они созрели в «оттепель» Хрущева
В романтике, в походах за туманом,
Задорно танцевали буги-вуги,
Женились, продолжая поколенья,
И были, в общем, счастливей, чем мы.

Я помню детства гомон бестолковый,
Предновогодний запах мандаринов,
Мирей Матье поет с магнитной ленты,
Снег в валенках, ангина, забытье...

Мы с матерью сидели на диване,
Она мне книжку детскую читала,
«Вот вырастешь — и я одна останусь», —
Сказала грустно, книгу отложив.
Отец мотался по командировкам,
Искал руду в уральских горных недрах,
А также строил Качканарский ГОК.

Я узнаю в себе его повадку,
Привычки, интонации и жесты
И думаю с улыбкой: «Здравствуй, папа!»
Так вот в чем дело! Сразу и не скажешь...
Теперь мне внятен гнев его и стыд,
Печаль и радость — все, что он скрывал
От близких под невозмутимой маской,
На сентиментальности скупаюсь.

Зато теперь свободен быть собой,
Рассказывать, беседовать безмолвно,
О детстве вспоминать, просить прощенья..
Отец внутри меня тихонько плачет
От радости, и детская улыбка
Сияет на бессмысленном лице.

СТИХИ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

Выйди из комнаты — дойди хоть до кухни.
Песенку спой соседям да в двери стукни.
Пересеки улицу, реку там, Лету.
Взберись на Эльбрус, закури сигарету.

В церковь зайди — а что! — поклонись Пречистой.
Купи себе чай — он же, чай, не английский.

Выпей коньяк из горлышка, чтоб качнулись
Здания, скверы — мебель унылых улиц.

Выйди из комнаты — о, соверши ошибку!
Сына роди, отбей у османов Шипку.
Выдумай шар, разумом будь проворен.
Мир, как всегда, прекрасен, но иллюзорен.

Все, что снаружи, то и внутри, товарищ,
Как сказал бронхам дым от степных пожарищ.
Будь все едино — эрос, космос и клирос,
Сталин и Мао, вирус, папа Сатырос.

ВЕТЕР С ДАЛЕКОЙ РЕКИ

Просыпаясь среди ночи, он долго глядит в потолок.
Ему хочется, чтобы ветер с далекой реки донес
Гудок теплохода, скрип троса о блок,
Блока о трос.

Он вслушивается в ночь, как собака вгрызается в кость.
И слышит, как шает листва, звенят тормоза.
Утро приходит, когда он закрывает сквозь
Дремоту глаза.

И пока он дремлет, сквозь него проплывает любовь,
Богатство, успех и прочие блага земли,
Как мальки, плывущие сквозь неводо
Крупные ячеи.

В его городе нет ни моря, ни большой реки,
Кроме той, что покрыта асфальтом, по которой плывут
Армады домов, уносящих чужие грехи,
И в придачу — уют.

АНГЕЛ БЕЗДНЫ

Константину Уварову

Задета небрежной рукой, со скамеечки рюмка взмывает.
Вино золотистой струей в поднебесье весеннем играет.
И все замирает, как будто бы крик в терпком воздухе спрятан.
Становится слышно, как в дальней звезде распадается атом.

И в то же мгновенье в далеком проливе взрывается танкер.
Пикирует «боинг», а в небо вмывает карающий ангел.
Стартуют ракеты, и танки грохочут, рыдают солдатки.
Империю рушатся, голод, народы горят в лихорадке.

Врываются варвары в город, в прямые его эрмитажи.
Руины ветшают, и Шлиман грядущий не сыщет пропажи.
Земля остывает, покрыта широким лишаем бессилья.
Леса покрываются пеплом. Струится с небес сегидилья.

И снова возводится Рим — на инаком витке мироздания,
Царьград и Москва. Два поэта во дворике пьют «Мукузани».
Сей миг, в аккурат долетев, бьется рюмка о краешек урны.
И слышен торжественный возглас: «Товарищи, пейте культурно!»

ЕВГЕНИЙ ПИНАЕВ

Старый моряк бросил якорь в уральской деревне.
Курит и пишет картины в табачном дыму.
Вновь паруса поднимаются на «Крузенштерне».
Утлый маяк прорезает балтийскую тьму.

А по ночам слышен скрип замерзающих сосен.
Лунным холодным огнем захлестнет небеса.
Ветер в таежных распадках томлив и несносен.
Ванты гудят, громко хлопают все паруса.

Он поднимается на борт при полном параде,
В боцманской куртке, он держит осанку и понт.
Справа по борту мерцают огни Такоради,
Дымное солнце спускается за горизонт.

О, упоенье тропической полночи звездной,
Грязный портовый кабак да тягучий пассат!
Утро рисует на окнах узор морозный.
Старые сосны качаются, стонут, скрипят.

* * *

Мне нынче так одиноко — повсюду чужие люди ж!
Пронизывающий ветер, и я до костей продрог.
Давай говорить о главном: ты меня еще любишь?
Осталось денег на водку? Есть ли на небе Бог?

Так долго медлишь с ответом, что в арках сгущаются тени.
Вечерняя над тобою вспыхивает звезда.
Взлетают с деревьев птицы, кружатся в небе осеннем.
Плывут облака над миром. И ты отвечаешь: да.